

Развитие, традиция, эволюция: археофутуристическая концепция Гийома Фая

Проблема развития занимает одно из ключевых мест в общественно-политическом и научном дискурсах. И на фоне очевидного кризиса как западных, так и не-западных моделей экономического и социально-политического развития (особенно показательны в этом отношении кризисные явления в КНР в последнее десятилетие – серьезные проблемы в строительной отрасли, ранее считавшейся локомотивом всей китайской экономики; нестабильность курса юаня; долги провинций, достигшие опасных значений; неоднозначные перемены в политико-управленческой сфере – Си нарушил традицию, по которой после смерти основателя КНР Мао никто не занимал должность председателя более двух сроков, усиливает роль коммунистической идеологии, государство все активнее вмешивается в экономику – это свидетельствует об отходе от модели 1980–2000-х годов, которая превратила Китай в мировую державу, а период пандемии COVID-19 показал, что в китайском обществе присутствует протестный потенциал, не говоря уже о перманентном латентном недовольстве Гонконга и Макао) актуальность этой тематики только возрастает. В научном отношении актуализация обусловлена отсутствием какого-либо доминирующего подхода к самому понятию «развитие», хотя этот концепт является одним из наиболее употребительных в научном дискурсе и его значимость в академической и экспертной среде только возрастает.

Между тем на фоне возникшего глубокого раскола между Россией и Западом на официальном уровне и в академической среде с обеих противоборствующих сторон усиленно продвигается идея отсутствия каких-либо общих идейных платформ, способных стать общим знаменателем. Это заблуждение [12]. Некоторые пласты консервативной мысли могут стать надежным фундаментом для конструктивного диалога по официальному и академическому трекам. И одной из таких недооцененных платформ является наследие французской философской правоконсервативной традиции, что с учетом особой роли Франции в истории и культуре России представляется особенно примечательным.

Современная политология и наука о международных отношениях не испытывают дефицита в словах, претендующих на статус терминов. Однако лишь малая их часть может выйти за пределы запоминающихся журналистских штампов, то есть может быть концептуализирована и операционализирована в эффективные эпистемологические инструменты. И здесь представляет интерес наследие французского мыслителя Гийома Фая (1949–2019) – автора недооцененного и «недоосмысленного». Он недостаточно вписан

Моисеев Дмитрий Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: dmoiseev@hse.ru

Артеев Сергей Павлович, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: artsp7@yandex.ru

Сигачев Максим Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО РАН. E-mail: maxsig@mail.ru

в академическую традицию как Запада, в том числе Америки [9], так и России и других политико-культурных ареалов. Его концепт «археофутуризм» [4] представляется здесь удачным примером. Однако археофутуризм, вошедший в лексикон изначально в политехнологическом контексте, необходимо переосмыслить в духе академической традиции.

Само понятие введено французским философом в одноименной работе «Археофутуризм. Мир после катастрофы: европейский взгляд» (1998). Фай определяет археофутуризм как «философский союз между аполлоническим и дионисийским, всегда противопоставлявшимся друг другу, а не деле друг друга дополняющими» [4, с. 66]. Согласно французскому мыслителю, архаика, под которой подразумевается «разделение гендерных ролей, передача этнических и народных традиций, духовности и организации духовенства, видимые и структурируемые социальные иерархии, поклонение предкам, инициатические обряды и испытания, восстановление органических сообществ» [4, с. 63], и футуризм, представляющий собой «фаустовский, дерзающий и искушаемый дух, стремящийся к новым формам цивилизации» [4, с. 64], в своем синтезе дадут возможность в полной мере использовать достижения технического прогресса и одновременно обрести традиционные ответы на сущностно важные вопросы в сферах персональной этики и социальной теории.

Отдельный интерес представляет симпатия Гийома Фая к современной России и его вера в то, что в «посткатастрофическом» будущем неизбежен геополитический союз между нашей страной и европейскими народами и образование на просторах Евразии нового глобального политического игрока – «Евросибири», построенной на археофутуристических ценностях.

Концепция Г. Фая в зарубежном и российском научно-философском дискурсе

Бельгийский интеллектуал и друг Гийома Фая, Робер Стекерс, так характеризует одну из ключевых интенций своего товарища: «Действительно, сама структура мира в глазах Фая по сути своей трагична и останется таковой несмотря на то, что христиане, постхристиане и сторонники естественного права выдают желаемое за действительное. Следуя по стопам Жюль Моннеро, систематически писавшего о “гетеротелии” (то есть о том факте, что человек обычно достигает цели, отличной от той, что он ставил перед собой в своих планах и мечтах), Фай постоянно доказывает мысль о том, что политические усилия, институциональные конструкции и препятствия, возведенные неуклюжими цензорами, в целях избежать “пересдачи карт”, в итоге всегда приведут к неудаче; но прежде чем произойдет это заслуженное исчезновение, начнутся волнения, истерики, возражения и предостережения, исходящие от тех, кто хочет, чтобы одни и те же правила оставались навсегда. На протяжении долгих веков это вызывает смех у дерзких реалистов, принимающих и утверждающих трагичность мира и конечность всего сущего» [14, р. 21].

Ввиду этого ницшеанство Фая принадлежит пространству между смешным и трагичным, а его критика современной западной цивилизации не имеет ничего общего с прогрессистскими идиллиями Маркузе и Руссо. Фаевское прочтение Ницше ведет к созданию довольно оригинального образа сверхчеловека – веселого и творческого, с особенным азартом игнорирующего и зачастую преступающего устоявшиеся общественные нормы. Сверхчеловек Фая является дионисийским *par excellence*. Подобного подхода французский интеллектуал придерживался и в отношении себя самого. Несмотря на трагический характер собственных пророчеств, он не терял присутствия духа и никогда не старался быть избыточно серьезным, позволяя себе мета-ироничное отношение, в том числе к себе самому и собственным бывшим соратникам по GRECE (Groupement de Recherche et

d'Études pour la Civilisation Européenne) – ассоциации, созданной во Франции в 1968 году различными антилиберально настроенными интеллектуалами, надеявшимися преодолеть морально устаревшее и дискредитировавшее себя наследие течений «старых правых».

По воспоминаниям Яна-Бера Тилленона, Фай был одновременно и мыслителем, и полемистом, и актером, способным сыграть любую роль, и радиоведущим, и в целом крайне разносторонней личностью. В своем образе мысли и жизни он ориентировался на древнегреческих философов и вдохновленный античностью отвергал мелкобуржуазные идеалы модерна с их убогой одномерностью. Во многом потому Фаю было сложно ужиться в одном коллективе с коллегами по GRECE – разрыв, помимо идейных причин, был обусловлен и разницей в темпераментах.

И все же французский философ тяжело переживал разрыв и то, что ему пришлось стать «чужим среди своих». Робер Стекерс в воспоминаниях о Фая в связи с этим вспоминает слова Пьера Виалья: «Его талант творил чудеса; возможно, даже слишком много чудес для тех надутых эгоистов, которых он непреднамеренно затмил... Как только “развод” с некоторыми иерархами “новых правых” стал неизбежным, это потрясло самые глубины его существа, хотя лишь немногие из нас тогда это осознавали. Это нанесло ему раны, которые так никогда и не были исцелены полностью» [13, р. 90]. Вместе с тем это никак не повредило наследию Фая – его оригинальная концепция археофутуризма, возможно, важнее прочего наследия французских «новых правых» ввиду того, что она предельно конкретно обозначает проблемы современного Запада и предлагает столь же конкретные и реалистичные пути их преодоления.

Другой друг Фая, известный французский писатель и историк провансальской культуры Пьер-Эмиль Блэрон, писал о философе: «Гийом Фай был настоящим пробудителем... Он будто пришел из “иного мира”, параллельного нашему, чтобы выполнить эту задачу. У подобных людей не бывает иных задач, кроме как передавать другим свои знания и свою энергию, и в итоге вся их жизнь сводится к этому акту передачи. Пробудители появляются в критические периоды истории, когда все переворачивается с ног на голову, и все ценности изменяются на противоположные, что вызывает у окружающих отчаяние. Для подлинного пробудителя его миссия всегда является более важной, чем собственный комфорт и интересы, да и в целом важнее собственной личности» [6, р. 99]. Блэрон также отмечает, что пробудитель не является гуру, но в то же время всегда задает своей жизнью образец для подражания и подает пример. Он практически всегда является реалистом – хотя иногда и может выглядеть мистиком и провидцем. Гийом Фай обладал всеми этими качествами. «Он был метеором, сжигающим свою жизнь в тысячах вспышек света. Действительно, метеор – иными словами, небесное тело, которое никогда не падает на поверхность земли и исчезает, как только сгорает» [6, р. 107], – вспоминает друга Блэрон.

Помимо этого, он был провокатором в хорошем смысле. Блэрон, вспоминая одно из выступлений Фая по телевидению, приводит его ответ на обвинение в провокативном поведении: «Разумеется, сама причина, по которой я нахожусь здесь, заключается в том, чтобы провоцировать; слово “провокация” происходит от латинского “provocare”, что означает побуждать других реагировать на вас, думать» [6, р. 101]. Фай никогда не пытался быть политкорректным и «сглаживать углы», потому некоторые его особенно радикальные мысли сложно даже упоминать. Вместе с тем, именно в этом заключался его метод радикальной мысли, который он методологически описал в «Археофутуризме» – искать новые формы и новые смыслы, не обращая внимания на сиюминутные требования конъюнктуры и политического момента. В этом смысле Фай очень близок к древнегреческим мудрецам, которыми он вдохновлялся и которым во многом подражал.

В связи с этим Пьер Могэ справедливо указывает: «Гийом Фай говорит о проблемных вопросах без обиняков, пусть и иногда прибегая к намеренным провокациям. По крайней

мере у него хватает смелости излагать факты, о которых другие предпочитают умалчивать, и он достаточно смел, чтобы начать дискуссию, которую все остальные с радостью постарались бы избежать. В осажденном Константинополе пять столетий назад местные священнослужители предпочли обсуждать пол ангелов, а не призывать людей готовиться к защите города; и никто никогда не смог бы обвинить Фая в том, что он не захотел последовать их примеру!» [11, р. 144].

Комментируя антисистемную философию Фая, направленную против современного левоглобалистского истеблишмента коллективного Запада, видный деятель мирового «нового правого» движения Пьер Кребс отмечает: «Следует признать, что у Системы все еще есть козыри в этой политической игре... Но чего стоят самые изощренные игры без козырей? На самом деле у нас нет ничего, кроме наших собственных идей, уверенности и воли, и, следовательно, не так много возможностей бороться против разрушающих сознание механизмов Системы, которая давит души и разрушает личности. И все же у нас все еще есть лучший козырь в распоряжении, туз из тузов, которого нет у них, и который они никогда не получают, потому что они затуманили собственные пути крови. Что касается нас, мы знаем, куда мы идем, потому что мы знаем откуда мы пришли» [10, р. 122].

Концепция Г. Фая уже рассматривалась отечественным исследователем Д.С. Моисеевым в докладе «Археофутуризм Гийома Фая: футурологический прогноз “справа”» [3]. Как отмечает автор доклада, рассматривая концепцию французского философа, видение будущего со стороны Гийома Фая вытекало из его скептических оценок современных социокультурных тенденций развития западного мира. По мнению Фая, современный Запад, вдохновленный эпохой Просвещения с присущими ей эгалитарно-индивидуалистическими принципами, не сможет выдержать конкуренции с более архаично ориентированными цивилизациями. Поэтому в целях выживания Запад сам должен обратиться к архаичным, досовременным, неэгалитарным слоям западноевропейской цивилизационной идентичности, сохранив при этом материально-техническое превосходство. Ставя цель очертить контуры возможного будущего и место цивилизации Запада в этом будущем, Фай как раз и предложил концепции археофутуризма, а также виталистического конструктивизма, сочетающие архаические ценности со стремлением к высокотехнологичному будущему [3, с. 63].

Политическая эволюция Гийома Фая в контексте французских «новых правых»: от 1968 к 1998

В России Фай известен прежде всего как автор концепции археофутуризма. Его книга была переведена на русский язык с большим запозданием – лишь в 2011 году. Несмотря на это, идеи Фая при всей их противоречивости могут способствовать осмыслению политических реалий и проблем современности, а также выстраиванию жизнеспособных перспективных моделей развития будущего.

Фай долгое время ассоциировался с той школой мысли, которую в 1978 году французские СМИ называли новыми правыми. Данная школа мысли представляла течение «панъевропейского идентитарного национализма». Французские «новые правые», в свою очередь, выросли из GRECE, о которой уже упоминалось выше. Молодые интеллектуалы неоправого толка стремились противостоять глобализации и американизации во имя защиты французской культуры [7, р. 5]. Они ставили перед собой цель не столько участвовать в практической политике, сколько влиять на культурно-метаполитическую сферу духа. Для «новых правых» исторически было важно утвердить свои идеи и ценности в области метаполитики, тогда как *Realpolitik* была для них вторична и имела не столь уж большое значение.

Фай присоединился к «новым правым» достаточно рано, еще в начале 1970-х годов, когда учился в аспирантуре считающегося элитным Парижского института политических исследований (SciencePo), где он писал диссертацию для получения степени доктора философии по политическим наукам. В течение 13 лет, с 1973 по 1986 год, Г. Фай считался одной из наиболее влиятельных фигур в GRECE помимо ее непосредственного лидера и идейного вдохновителя Алена де Бенуа. В тот период на мировоззрение Фая оказали сильное воздействие такие идейные течения контрлиберальной мысли как немецкая «консервативная революция» и интегральный традиционализм. Также он, как и другие философы круга «новых правых», увлекался индоевропейским наследием дохристианского язычества.

В 1986 году Г. Фай порывает с «новыми правыми», покидает ряды GRECE и вплоть до 1998 года работает в качестве журналиста. Выход в 1998 году его книги «Археофутуризм», обосновывающей необходимость поиска срединного пути между крайностями традиционализма и модернизма, в свою очередь, знаменует собой возвращение французского интеллектуала в социально-политическую философию.

Археофутуристическая концепция Г. Фая в контексте нового интегрализма

В работе «Археофутуризм» Гийом Фай пишет: «Идея этой книги состоит из трех логически связанных тезисов. Первый из них гласит, что современная цивилизация, порождение модернизма и эгалитаризма, достигла последнего пика своего развития и находится перед угрозой скорого глобального катаклизма по причине конвергенции катастроф» [4, с. 4]. Под «конвергенцией катастроф» французский философ подразумевает высокую вероятность одновременного развития военного, экологического, экономического и культурного кризисов (следует отметить, что ряд прогнозов Фая уже подтвердился).

Помимо прочего, концепция Фая примечательна реабилитацией этничности, этнического фактора. Под архаикой в рамках археофутуризма Г. Фай понимает в первую очередь возвращение к идее этноса. Этничность в археофутуризме, обеспечивающая единство старого и нового, – это изначальное «архе», которое понимается как источник традиции в греческом смысле, как некое вечное начало, лежащее в основе того или иного сообщества, общества.

Какое место занимает этнический фактор? Безусловно, он занимает ключевое место в археофутуристическом проекте будущего как возвращения к прошлому на новом витке. В связи с этим представляется возможным обратиться к уже вошедшим в академический и общественно-политический дискурс концептам, которые обретают новое звучание в текущих реалиях.

Археофутуризм как идея воплощает в себе стремление сочетать футуристические и архаические элементы (с точки зрения модернистов): высокие технологии, с одной стороны, и этноцентризм – с другой. Будучи выходцем из кругов французских «новых правых», воспринявших, в свою очередь, терминологию немецкой «консервативной революции» 1920–1930-х годов, Г. Фай считал понятие «консерватизм» недостаточным. Консерватизм как термин, с его точки зрения, ассоциируется с антидинамичными и устаревшими феноменами, поскольку необходимо не просто консервировать настоящее или возвращаться к недавнему прошлому, а стремиться по-новому обрести и осмыслить наиболее архаичные корни как фундамент для уверенного движения в будущее. Символом желаемого соединения научно-технического прогресса и архаизма для него могло стать примирение таких противоположных полюсов итальянского социально-философского дискурса как футурист Ф.Т. Маринетти и радикальный традиционалист-антимодернист Ю. Эвола [4, с. 5].

Подчеркивая бесплодность противопоставления традиционалистов и модернистов, французский мыслитель рассматривал археофутуризм как попытку избежать этих крайностей. К традициям следует подходить выборочно и избирательно. Кризис же современного общества, в свою очередь, требует выработки нового языка и новых понятий, поскольку в стремительно меняющемся мире с его новыми, постоянно возникающими угрозами лишь идейно-мировоззренческое творчество способно преодолеть косность устаревших доктрин [4, с. 6].

Своих бывших единомышленников по лагерю «новых правых» из группы GRECE Фай критиковал за идеологическую окаменелость, а также за культурную приверженность прошлому, его сентиментализацию и ностальгию по ушедшим эпохам [4, с. 19]. Таким образом, позиция мыслителя, выраженная через концепцию археофутуризма, заключается в том, что традиционализм не должен сводиться к ретроградству и реакционности, а модерн может обойтись без тотального отрицания прошлого.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, приведем ряд цитат Фая, который писал: «... ошибка – слишком сильный акцент на фольклоризме и чрезмерный культ корней. Душа европейской творческой культуры не в маленьких пирамидках из обожженной глины, не в раскрашенной мебели из Шлезвиг-Гольштейна, бретонских капорах или наивных деревянных скульптурах скандинавских фермеров. Она скорее в Реймском соборе, двойной спиральной итальянской лестнице в Замке Шамбор, рисунках Леонардо да Винчи, комиксах Либераторе и брюссельской школы, дизайне Феррари и немецко-франко-скандинавских ракетах “Ариан-5”. Сведенная к простому фольклору, европейская культура обесценивается и падает до уровня “примитивного искусства”» [4, с. 27–28]. И далее он продолжает: «Огромное множество текстов о европейских “традициях”, зачастую связанных с позабытыми или мифическими народными обычаями, заставляют нас забыть о главном вопросе: самоутверждении современной европейской культуры, нависших над ней геодемографических угроз и потребности в реконкисте [4, с. 28].

Подытоживая суть концепции археофутуризма, внятного («отдельного стоящего») определения которому сам автор в своей книге не дает, можно отметить, что она сводится к необходимости синтеза традиций и новаций как ключа к преодолению навалившихся на человечество и в первую очередь на Запад экзистенциальных проблем. Под традицией (архаизмом) Фай понимает обращение к «первоначальным импульсам», то есть утраченным ныне паттернам функционирования западных обществ, связанных с этничностью, религией и «античной политической родословной». Футуризм же означает приверженность идее «планирования будущего» на основе научно-технологического прогресса. Таким образом, археофутуризм как синтез архаизма и футуризма означает модель цивилизационного развития Запада путем облачения своей глубинно-исторической идентичности в современную научно-технологическую оболочку.

К числу экзистенциальных проблем Запада автор относит эгалитаризм и засилье культуры политкорректности, комплекс миграционных, этнорелигиозных и демографических сложностей, кризис национального государства. По мнению Фая, Запад нуждается в реабилитации этнического как нормального, необходимого и даже ключевого звена своей идентичности. В этой связи можно привести следующую цитату Фая: «... идеологическая ошибка: симпатия к странам третьего мира. Я сам ее испытывал и хочу заняться самокритикой. Эссе Алена де Бенуа “Европа и Третий мир: одна и та же битва” (Europe – Tiers-monde, même combat), важнейшая работа на эту тему, и мои статьи о том же, вышедшие в начале 80-х, были вызваны неверно направленным антиамериканизмом и привели в идеологический и стратегический тупик, который беспокоил меня с тех самых пор. Все народы в истории ведут свою войну – любой альянс носит временный характер. Помимо этого, само понятие “третий мир” потеряло смысл. Перед нами Китай, Индия, будущая

мусульманская империя... “Третьего мира” не существует. Симпатия к третьему миру, служившая нам неуклюжей заменой антирасизма, игнорирует реальную историю: иммиграционное и геополитическое давление Юга на Север. Более того, эта несправедливая симпатия к странам третьего мира сопровождалась сбивающей с толку и наивной происламской позицией, которую мы все приняли, в то время как на самом деле арабо-мусульманский мир стал представлять собой объективную, агрессивную, реваншистскую и серьезную угрозу Европе, ставшей “землей для завоевания”» [4, с. 29–30].

По мнению Фая, этническая идентичность (вместе с конфессиональной) «коренных» жителей западных государств, осознанная как позитивная ценность и возвращенная в статус традиции, в свою очередь позволит преодолеть вызовы и угрозы западной цивилизации и создаст предпосылки для реализации проекта Большой Европы с участием России.

Один из последователей археофутуристической концепции в статье «Гийом Фай и археофутуризм» отмечает, что философия археофутуризма стала кульминацией стремлений Фая соединить вечные европейские архетипы со своим видением будущего. «По своей сути археофутуризм – это решение Фаем проблемы дихотомии между прославленным прошлым Европы и ее будущим. Отнюдь не считая их противоречивыми сферами, Фай представлял себе плавное слияние обеих. Это философия, которая призывает Европу одновременно черпать вдохновение в греко-римском, языческом и средневековом наследии и в то же время с энтузиазмом относиться к технологическому и научному прогрессу. Представьте себе город Рим в археофутуристической парадигме Фая: Колизей, некогда символ имперского величия, может быть превращен в экологически чистую арену, где в виртуальной реальности воспроизводятся исторические события. На площади Пьяцца Навона могут появиться скульптуры, интегрированные с передовыми технологиями, где барочные конструкции дополняются современными интерактивными или световыми элементами. Даже в Ватикане можно было бы сохранить древние писания с помощью неинвазивных технологий, предоставив ученым со всех уголков мира голографический доступ к рукописям в режиме реального времени. По сути, Рим стал бы живым музеем, воспевающим свое прошлое и одновременно процветающим мегаполисом с развитой технологической инфраструктурой. Видение Фая не было ограничено географическими или временными рамками. Вспомним учебные заведения Оксфорда или Кембриджа. В археофутуристической обстановке исторические залы будут по-прежнему наполнены мудростью предков. Однако студенты могут использовать дополненную реальность для просмотра шекспировских пьес или инструменты искусственного интеллекта для углубления в платоновские диалоги. Представьте себе систему обучения, усовершенствованную искусственным интеллектом, в которой педагогика Сократа или Аристотеля адаптируется и персонализируется для каждого студента, обеспечивая сочетание классических и современных образовательных технологий» [8].

Безусловно, Фай – правый радикал и в большей мере политический практик, чем теоретик. И его видение не выглядит внутренне непротиворечивым и четко логически аргументированным. К тому же после начала СВО 24 февраля 2022 года идея геостратегического блока между Европой и Россией утратила свою актуальность, что не означает бесперспективности рефлексии в рамках идеи Глобального Севера: Россия – Европа – Северная Америка (прочно вошедший в обиход и ученых, и политиков концепт «Глобального Юга» по сути своей дихотомичен и методологически не может не коррелировать с Глобальным Севером).

Следует отметить, что внимание Фая к этническому фактору в конце 1990-х годов, в период торжества глобализации, оказалось востребованным сегодня. Уже спустя 10–20 лет после выхода его книги именно этничность стала генератором разделений в обществах многих стран: политическая экспансия ультраправых и ультралевых

движений и партий в ЕС; BLM, Трамп и трампизм в США; официальный старый-новый «антиколониальный» дискурс властей в России («англосаксы») и новое прочтение «русскости» и неоднозначная реакция на него. Этничность стала политизированным феноменом, а этнизация – дальнейшим катализатором смешения внутренней и внешней политики до степени неразличения.

Этнические кейсы: этноконфессиональные миры

Возрождение этничности проявляет себя многообразно. Помимо внутривнутриполитических процессов (широкое возвращение этничности в том или ином виде в официальную политическую повестку, широко распространенный и на Западе, и в России антииммигрантский общественно-политический дискурс), наблюдается формирование и возрастание роли транснациональных политических пространств, которые представлены в двух типах. Первый тип – хорошо известные интеграционные объединения, которые отличает глубокая институализация и формализация. К этому типу относятся, например, ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. Второй тип – своеобразная альтернативная интеграция – часто не воспринимается в качестве значимого феномена, но его роль в политике набирает обороты. И среди них все более заметными становятся этномыры как пространства, формируемые акторами, вектор активности которых основан на этнической и сопряженных с ней идентичностях (языковой, религиозной, постимперской). Они слабоинституционализированы и в меньшей степени обусловлены территориальным фактором. В качестве примеров можно привести Тюркский мир (этнический и конфессиональный фактор как направляющие), Арабский мир (этноконфессиональная и лингвистическая общность), Португальский мир (лингвистические, конфессиональные и исторические/постимперские основания).

Помимо собственности и этничности, представляется также целесообразным подчеркнуть особую важность лингвистического фактора, поскольку феномен языка можно рассматривать как органический синтез традиций и новаций, ведь в языках сохранение наследия предыдущих поколений сочетается с отражением новых реалий технологического прогресса, начиная с промышленных революций и заканчивая цифровой трансформацией. Арабский мир опирается на общий язык в не меньшей мере, чем на ислам. Диаспоральные миры тоже часто опираются на язык как главный фактор сохранения своей культурной идентичности. Идея негативного англосаксонства, активно продвигаемая в российском официальном дискурсе в 2020-х годах, тоже в своей основе опирается на такую реальность как Англосфера – сообщества стран и мировой сети диаспор, для которых английский язык выполняет идентификационную функцию.

В результате получается, что этничность возвращается в мировую политику на новом витке в качестве движущей силы и приводит к формированию новых субъектов, новых политических слоев, которые усложняют политическую формулу современности.

В целом модель этномиров и лингвомиров отчасти перекликается с идеей этнорелигиозных блоков Фая. В целом прогностическая модель разделения мира на макрорегиональные структуры обрела новое дыхание с началом масштабной конфронтации между Западом и частью не-Запада в ходе проведения Россией СВО и американо-китайских торговых войн, хотя Фай предлагал создать устойчивый альянс Европы и России в рамках идеи Евросибири, что в чем-то перекликается с идеями одного из столпов мировой политики XX века Шарля де Голля. Этничность в мирополитическом контексте 2020-х годов проявляет себя в попытке не-Запада отстоять свою политическую субъектность с опорой на этнокультурный фактор и на негосударственных акторов (Русский мир, стремление Китая укрепить свою всемирную сеть диаспор, отказ от глубокой адаптации новых поколений арабо-мусульманских общин на Западе). Этнокультурный фактор, с одной стороны,

архаичен и возвращает нас во времена до Вестфальской политической модели мира (хотя там этничность была вторична относительно религиозной принадлежности), с другой – футуристичен, потому что «преодолеывает» рамки национального государства и двигает нас к пост-Вестфальской архитектуре мироустройства, где государство по-прежнему важный, но все менее монополюсный по своим возможностям субъект политической жизни. Мир пост-Вестфалья – это мир сложно переплетенных политических идентичностей, в которых гражданство лишь одно из многих.

Страновые кейсы: Индия, Япония, Саудовская Аравия

Прикладные примеры валидности прогноза Гийома Фая относительно археофутуристского характера XXI века наблюдаются в различных странах мира. Наиболее наглядно синтез традиционного и технологического проявляется в Индии, Японии и Арабском мире.

Индия, которой с 2014 года руководит Нарендра Моди, лидер правой Бхаратия джаната парти (БДП), ведущей консервативную и националистическую политику в духе «хиндутва», демонстрирует значительные успехи на пути технологической цифровизации городов и деревень, привлечения иностранных инвестиций, развития малого и среднего бизнеса, строительства современной транспортной инфраструктуры [15]. В то же время одним из важнейших приоритетов политики Моди является культурный национализм, сохранение индуистского наследия. Яркой демонстрацией этого подхода является поддержка БДП в качестве кандидата на пост главного министра штата Уттар Прадеш жреца храма Шивы Йоги Адитьянатха в 2017 году [16]. Йоги выиграл выборы, возглавив крупнейший штат в стране, и, по сообщениям политологов, рассматривается в качестве одного из претендентов в преемники Моди на посту главы государства [17].

Япония, разгромленная по итогам Второй мировой войны и потерявшая свою империю, во второй половине XX века возродилась как экономический и технологический лидер региона. В 1950-х годах темпы роста ВВП Японии достигали 14,9%, в 1960–1970-х норма частичного производственного накопления составляла в среднем 18,2% ВВП [2]. Несмотря на структурный кризис японской экономики в 1990-х годах, страна остается одним из мировых лидеров, поставляя инновационные технологические продукты. Во многом успехи Японии объясняются синтезом футуристической устремленности к новым высотам технического совершенства и национальных традиций – в частности, принципа гармонии «ва», чувства долга («гири»), принципа наставничества, интегрированного в японскую систему хозяйствования принципа «участвующего управления».

Значительный вклад в археофутуристское *настоящее* Японии внесли национальные подходы к образованию, которые формировались с эпохи Тэндзи (VII век н.э.) [5]. В эту систему интегрированы элементы конфуцианства и буддизма (в обоих учениях познание считается безусловным благом). Вместе с тем, ввиду принципа «вакон-есай» («японский дух, западные знания»), японцы начиная с эпохи Мэйдзи (вторая половина XIX – начало XX века) были открыты для технологической модернизации, осуществленной ускоренно и централизованно. Этот принцип остался в силе и после Второй мировой войны, дополненный подходом «до:токуке:ику» («моральное воспитание»), позволяющим воспроизводить японский национальный дух и характер даже в условиях современного глобального мира.

Помимо этого, необходимо отметить, что, несмотря на парламентскую структуру управления страной, Япония сохранила институт монархии и успешно передает из поколения в поколение уникальную духовную традицию – синтез местного язычества (синто) и буддизма, который из века в век скреплял нацию.

Археофутуристский характер имеет и динамика трансформаций арабского мира в конце XX – начале XXI века, наиболее ярким примером которых являются перемены, происходящие в одном из лидеров региона – Королевстве Саудовская Аравия. Суннитская теократия, управляемая семьей Аль Сауд на принципах абсолютной монархии, в 2021 году поднялась на 16-е место в мире по объему ВВП [1], в 2022 году стала мировым лидером по темпам экономического роста (8,9%) [18]. Саудовская Аравия, обладая 24% разведанных мировых запасов нефти и развитой нефтеперерабатывающей промышленностью (национальная нефтяная компания Saudi Arabian Oil Group (Saudi Aramco) является одной из крупнейших в мире), стремительно становится крупнейшим региональным финансовым центром и имеет амбиции стать мировым лидером в сфере финансов, инвестирует в развитие технологий и строительство инфраструктуры.

Вместе с тем, будучи местоположением священной для мусульман Мекки – колыбели ислама, Саудовская Аравия в принципах организации общества и его норм строго руководствуется религиозными положениями. Улемы (религиозные лидеры) имеют консультативные полномочия по всем проектируемым изменениям законодательства, суды руководствуются в первую очередь нормами шариата, регулирующими все аспекты повседневной жизни подданных саудовского короля. Система исполнения наказаний Саудовской Аравии в значительной степени игнорирует глобалистские предписания, сохраняя во многом традиционный характер (распространены такие виды наказаний, как отсечение кисти, наказание плетью и проч.).

Таким образом, Индия, Япония и Саудовская Аравия являются яркими примерами того, как принципы археофутуризма, сформулированные Гийомом Фаем, применяются в XXI веке. Неевропейские государства, культурам которых в целом чужды теоретические наработки Просвещения, руководствующиеся принципами национальных культурных норм, а также религиозными установками, достигают значительных успехов в международной конкуренции и динамично развиваются, не пренебрегая новейшими технологиями и разработками западной науки, в то же время сохраняя приверженность собственным оригинальным подходам к государственному строительству и не только сберегая собственное культурное наследие, но и черпая в нем дополнительный ресурс для развития в направлении лучшего будущего.

Спустя почти 30 лет после публикации первого издания «Археофутуризма» мы ясно видим проблему, о которой предупреждал Фай, – левоглобалистский, культурно-марксистский дискурс, являющийся наследником Просвещения и универсалистских подходов, постепенно терпит крах, являясь не ресурсом Запада, а его приговором. Не-западные общества сегодня тоже сталкиваются с мощными вызовами (упомянутый выше Китай), однако в большей мере склонны искать выход из тупика в своих традициях.

Таким образом, в контексте проблематики оптимального соотношения традиций и новаций ради выработки новой модели мирового развития концепция археофутуризма, предложенная французским философом Гийомом Фаем в конце 1990-х годов и понимаемая как гибридное мировоззрение, стремящееся к балансу традиций и инноваций, представляет интерес и с академической, и с политико-практической точек зрения. Фай предвидел переход/возврат мира к не-государственным форматам (макрорегионы, цивилизации), в которых политическое становится во все меньшей мере связано с национальным государством, неформализованное догоняет по значимости формализованное, старое перестает быть синонимом ненужного, а будущее не отрицает прошлого.

Литература

1. *Абдалла И.* Al-Eqtisadiyah: Саудовская Аравия поднялась на 16-е место по объему ВВП // Arab Inform: The International Journal of Arab Studies. 29.05.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://arabinform.com/news/al_eqtisadiyah_saudovskaja_aravija_podnjalas_na_16_e_mesto_po_obemu_vvp/2022-05-29-3890
2. *Блохина А.* Традиции на благо японской экономики // Мировое и национальное хозяйство. 2011. № 1 (16) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-01/tradicii-na-bлаго-yaponskoj-ekonomiki?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com
3. *Моисеев Д.С.* Археофутуризм Гийома Фая: футурологический прогноз «справа // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции. М.: Русское общество истории и философии науки, 2021. С. 63–67.
4. *Фай Г.* Археофутуризм. Тамбов: Ex Nord Lux, 2011. 256 с.
5. *Харса А.Н.* Традиции в современной системе образования Японии // Вестник СГУПСа. 2013. Вып. 29. С. 158–163.
6. *Blairon P.-E.* Guillaume Faye, an Awakener of the Twenty-First Century // *Krebs P., Steuckers R., Blairon P.-E.* Guillaume Faye. Truths&Tributes. London: Arktos, 2020. P. 96–109.
7. *Faye G.* Archeofuturism: European Visions of the Post-Catastrophic Age. London: Arktos, 2010. 249 p.
8. *Hoffmeister C., von.* Guillaume Faye and Archeofuturism. Arktos [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arktos.com/2023/08/10/guillaume-faye-and-archeofuturism/>
9. *Kao WC.* Identitarian politics, precarious sovereignty // Postmedieval. 2020. No. 11. P. 371–383. DOI: 10.1057/s41280-020-00202-8
10. *Krebs P.* Guillaume Faye's Gun-Like Quill // *Krebs P., Steuckers R., Blairon P.-E.* Guillaume Faye. Truths&Tributes. London: Arktos, 2020. P. 117–123.
11. *Maugué P.* Should Guillaume Faye Be Lynched? // *Krebs P., Steuckers R., Blairon P.-E.* Guillaume Faye. Truths&Tributes. London: Arktos, 2020. P. 142–147.
12. *Moiseev D.S., Kharin A.N., Sigachev M.I., Arteev S.P.* Conservative Values as a Bridge between Russia and the West // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21, No. 3 (83). P. 38–60. DOI 10.31278/1810-6374-2023-21-3-38-60. – EDN AKMQWW.
13. *Steuckers R.* Farewell, Guillaume Faye, After Forty-four Years of Common Struggle // *Krebs P., Steuckers R., Blairon P.-E.* Guillaume Faye. Truths&Tributes. London: Arktos, 2020. P. 37–95.
14. *Steuckers R.* Guillaume Faye's Contribution to the 'New Right' and a Brief History of His Ejection // *Krebs P., Steuckers R., Blairon P.-E.* Guillaume Faye. Truths&Tributes. London: Arktos, 2020. P. 9–36.
15. *Калинин А., Кедровская И.* Открывая Индию: феномен развития и перспективы для сотрудничества. [Электронный ресурс]. // Московская школа управления Сколково. 2023. 2 октября. Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/otkryvaya-indiyu-fenomen-razvitiya-i-perspektivy-dlya-sotrudnichestva/>.
16. *Скосырев В.* Моды сделал ставку на Йоги // Независимая газета. 2017. 23 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2017-03-24/8_6957_india.html
17. *Щедров И.Ю.* Выборы в штате Уттар-Прадеш: правящая партия Индии укрепляет позиции [Электронный ресурс].// ИМЭМО РАН. Актуальные комментарии. 2022. 23 марта. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-shtate-uttar-pradesh-pravyashtaya-partiya-indii-ukreplyaet-pozitsii>
18. *Церазов К.* Саудовская Аравия: строительство глобального финтех-хаба [Электронный ресурс].// Forbes. Экспертиза. 2023. 11 ноября. Режим доступа: <https://blogs.forbes.ru/2023/11/24/saudovskaja-aravija-stroitelstvo-globalnogo-finteh-haba/>

Аннотация. В статье рассматривается концепция археофутуризма французского философа Г. Фая. В условиях кризиса моделей развития она может стать ключом для разрешения конфликтов и формирования альтернативных оснований для устойчивого диалога противоборствующих сторон, а также выстраивания адаптивных механизмов для обществ по всему миру. Археофутуризм – это не только поиск актуального в прошлом вместо автоматического отрицания Традиции как культурно-идентитарной преемственности, передачи культурной идентичности из поколения в поколение, но и синтез традиционных моделей этики с футуристическим мышлением, открытость к новым технологическим прорывам. Г. Фай выступал за геополитический союз России и европейских народов, что следует из его концепции Евросибири.

Ключевые слова: развитие, альтернативы развития, археофутуризм, Фай, традиция, Запад, кризис.

Dmitry S. Moiseev, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, "Higher School of Economics" National Research University. E-mail: dmoiseev@hse.ru

Sergey P. Arteev, PhD in Political Science, Research Worker, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. E-mail: artsp7@yandex.ru

Maksim I. Sigachev, PhD in Political Science, Research Worker, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia. E-mail: maxsig@mail.ru

Development, Traditions, Evolution: Guillaume Faye's Archeo Futuristic Concept

Abstract. In the article the authors examine the archeo futuristic concept of the French philosopher Guillaume Fraye. Under the development models crisis the concept may become the key to conflict resolution and formation of alternative grounds for sustainable dialog between opposing sides, as well as building adaptive mechanisms for societies around the world. Archeo futurism means not only the search for the vital issues in the past instead of total negation of Traditions as cultural and identitarian continuity and passing the cultural identity from generation to generation, but also the synthesis of traditional ethical models with futuristic thinking and openness to the newest technological achievements. G. Faye was a proponent of possible alliance between Russia and European people which follows from his Eurosiberia concept.

Keywords: Development, Alternatives of Development, Archeo Futurism, Faye, Tradition, West, Crisis.